

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1:091 +165.4

В.А. Ладов**АНТИРЕАЛИЗМ ПОЗДНЕГО Л. ВИТГЕНШТЕЙНА***

Рассматривается семантическая концепция 'значение как употребление' позднего Л. Витгенштейна. Осуществляется попытка вписать идеи Л. Витгенштейна в общую классификацию семантических проектов аналитической философии по основанию реализм/антиреализм. Экспликация витгенштейновской позиции представлена через исследование различных форм конвенционализма как одного из характерных проявлений антиреалистских воззрений.

Ключевые слова: реализм, антиреализм, конвенционализм, значение, Витгенштейн, аналитическая философия.

Актуальной задачей истории аналитической философии является классификация того многообразного материала, который был наработан философами-аналитиками в XX в. Основания классификации могут быть самыми разными. Можно объединять концепции в классы в соответствии с их центральными терминами, темами, методами, опорой на первоисточники, географической, национальной принадлежностью авторов и т.д. Различные классификации служат различным целям, разнообразными способами высвечивают специфику аналитического движения.

На наш взгляд, одной из наиболее значимых классификаций должна выступить та, которая позволит структурировать различные семантические проекты аналитической философии по их принадлежности либо к реалистским, либо к антиреалистским взглядам в онтологии и эпистемологии. Спор реализма и антиреализма остается одним из наиболее принципиальных в современной философии, во многом определяя специфику исследований последних десятилетий. Классификация концепций аналитической философии по данному основанию позволит прояснить тот вклад, который внесло аналитическое движение в рассмотрение этих важнейших философских вопросов, а также определить тенденции развития аналитической традиции на современном этапе.

Пожалуй, самым известным и значимым антиреалистским проектом в аналитической философии стала концепция 'значение как употребление' позднего Л. Витгенштейна, которая оказала влияние не только на развитие аналитической традиции, но и на иные известные направления современной мировой философии. В настоящей статье мы ставим перед собой цель разо-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (09-03-00210-а), РФФИ (08-06-00022-а), Совета по грантам Президента РФ (НШ-5887.2008.6) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1, проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

браться в специфике витгенштейновского антиреализма, указав на радикализм его взглядов внутри данного направления мысли. При этом экспликация витгенштейновской позиции будет представлена через исследование различных форм конвенционализма, как одного из наиболее характерных проявлений антиреализма.

Вряд ли кто-то решит оспорить суждение, что в привычном, широко распространенном понимании теория значения позднего Витгенштейна трактуется как конвенционализм. Считается, что автор *‘Философских исследований’* осуществил критику классического объективистского подхода к рассмотрению семантических вопросов, в котором под значением языкового выражения понималась некая стабильная, независимая от конкретных агентов речи сущность. Витгенштейн показал эфемерность такого образования и в противовес критикуемой позиции прочно увязал значение с той или иной локальной коммуникативной средой, в которой употребляется выражение языка. Факторами, влияющими на изменение оттенков значений в коммуникативной среде, является вся совокупность исторических, психологических, социокультурных элементов, которые и составляют своеобразие того или иного локального лингвистического сообщества. Если же теперь этот тезис, сформулированный в рамках вопросов семантики, поместить в более общий контекст аналитической философии, в которой лингвистический опыт трактуется как фундаментальный пласт познания вообще, задающий границу познаваемого/непознаваемого, то данная теория значения предстанет как пример новой онтоэпистемологической позиции, утверждающей равноправное существование различных, не сводимых друг к другу онтологий и отсутствие единого основания познания. Именно в этом ключе трактуются наиболее распространенные в широких слоях западного интеллектуального сообщества (не только философского) понятия позднего Витгенштейна *‘языковая игра’* и *‘форма жизни’*.

Однако некоторые из интерпретаторов – и мы разделяем их позицию – настаивают на том, что подобное понимание поздних витгенштейновских взглядов является слишком поверхностным, вульгарным. По их мнению, основная мысль автора новой теории значения более глубока и радикальна. Она не сводится к тому достаточно тривиальному тезису ортодоксального конвенционализма, гласящему, что, скажем, слово *‘кот’* не имеет раз и навсегда данного, с неба упавшего значения и что значение этого слова задается в том или ином лингвистическом сообществе, которое свободно в выборе семантики, т.е. гипотетически вполне можно представить себе сообщества, в одном из которых *‘кот’* означает кот, а в другом кит, а слово *‘кит’* – наоборот. Тем не менее, как справедливо замечает С. Крипке, некоторые витгенштейновские пассажи сами провоцируют к заданию такой упрощенной интерпретации: “Однако в контексте Витгенштейн затеняет свой глубокий парадокс намного более прямолинейным пунктом – что обычно употребления языка не дают точного определения их применения во всех случаях” [1. С. 78]. К такому толкованию может подвигнуть, к примеру, §79 *‘Философских исследований’*, в котором мы читаем: “Рассмотрим следующий пример: Если говорят *‘Моисей не существовал’*, это может означать разное: у израильтян при исходе из Египта не было одного вождя или их вождя звали не

Моисей или вообще не было человека, совершившего все, что Библия приписывает Моисею, и т.д. и т.п. Вслед за Расселом мы могли бы сказать: имя 'Моисей' можно определить с помощью разных описаний. Например, таких: 'человек, прошедший израильтян через пустыню'; 'человек, живший в такое-то время и в таком-то месте и называвшийся тогда Моисеем', 'человек, который в младенческом возрасте был вытасен из Нила дочерью фараона' и т.д. И в зависимости от того, примем ли мы одно или другое определение, предложение 'Моисей не существовал' приобретает разный смысл, как и любое иное предложение о Моисее. И если нам говорят 'N не существовал', то ведь мы спрашиваем: 'Что ты имеешь в виду? Не хочешь ли ты сказать, что... или что...?' и т.д. ... Это можно выразить и так: я пользуюсь именем 'N' без фиксированного значения" [2. С. 116], или когда в 'Лекциях по философии математики' он заявляет: "Знать его (слова. – В.Л.) значение – значит употреблять его *тем же самым способом*, что и другие люди" [3. С. 183].

Данные соображения могут быть истолкованы как конвенционалистские. Пользоваться именем без фиксированного значения – значит употреблять его то так, то этак, имея в виду в одной коммуникативной ситуации одно значение, а в другой – другое. Знать значение слова – значит знать то, что под ним подразумевают другие члены сообщества, в котором разыгрывается конкретная языковая игра.

На поводу этих и подобных им пассажей идет и определенная группа интерпретаторов. Например, Н. Малколм, обсуждая один из фрагментов 'Голубой книги', пишет: "И Витгенштейн предостерегает нас от предположения, что наличествует такая ситуация, как 'полный набор условий' для разговора о прогулке человека (ВВ, р. 114). Это подразумевает, что для предложения 'Он может пойти погулять' не существует истинностных условий в общем виде" [4. С. 166]. Малколм имеет в виду, что предложение 'Он может пойти погулять' в различных коммуникативных контекстах может иметь различные значения, такие как: 'Он научился ходить', 'Он не устал', 'Ему разрешили погулять'. Значение предложения будет варьироваться от контекста к контексту, но для какого-то локального, частного коммуникативного акта оно вполне может быть определено.

С точки зрения более радикальной трактовки концепции 'значение как употребление' Витгенштейн предстает не только как противник объективизма в отношении значения, но и конвенционализма, ибо конвенционализм, так же как и объективизм, представляет собой одну из форм эссенциализма, а значит, руководствуется августинианским образом языка. Действительно, как таковая конвенция тоже представляет собой вполне устойчивую сущность в рамках определенного лингвистического сообщества, и агент речи, находящийся в этой коммуникативной среде, при употреблении того или иного выражения языка вполне может удерживать в сознании его четко очерченное, стабильное значение. Если же скептический тезис о стабильности значения, высказанный Витгенштейном в его концепции, призван к тому, чтобы посеять в нас сомнение в любом проявлении августинианского образа мыслей, то мы должны интерпретировать идею нефактивности, несубстанциальности значения более радикально. Речь должна идти

не только об отрицании объективного, раз и навсегда данного значения, но и об отрицании относительно стабильного значения-конвенции. С позиции сильной трактовки скептического тезиса агент речи не только не знает всей полноты истинностных условий того или иного предложения, употребляемого в разных контекстах, на чем настаивал Малколм, но и не может определить значения входящих в него выражений даже в одном-единственном, частном случае употребления. Причем проблема возникает не только (и не столько) на уровне коммуникации, как если бы слушающий никак не мог взять в толк, о чем сообщает ему говорящий (такая характеристика проблемы также является весьма тривиальной), скорее, сам говорящий, агент речи, произнося выражение языка, не может для самого себя, обращаясь к содержанию своего ума, разобраться, в чем состоит значение употребляемого им выражения.

Пристальное внимание общественности к сильной трактовке скептического тезиса привлекла интерпретация С. Крипке. Думается, именно этот факт предельной радикализации проблемы и сделал книгу американского логика *‘Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке’* столь знаменитой. Но на самом деле некоторые из признанных корифеев аналитической философии ощутили глубину витгенштейновской мысли значительно раньше, лишь не сумев (или не имея намерения) придать своим трактовкам тот стилистический блеск, который можно обнаружить в работе американского логика.

Так, А. Айер еще в 1954 г., т.е. практически сразу после выхода в свет *‘Философских исследований’*, обсуждая вопрос об индивидуальном языке и отмечая все более или менее тривиальные интерпретации, указывал: “В *‘Философских исследованиях’* Витгенштейн идет намного дальше. Он считает, что тот, кто намерен использовать язык индивидуальным образом, не просто не сможет передать его значение другим, но не сможет донести его значение и до себя самого...” [5. С. 454].

Но наиболее подробно рассмотрел этот вопрос М. Даммит в 1959 г. – в одной из первых интерпретаций среди аналитиков, посвященной философии математики Витгенштейна [6. С. 324–348]. Здесь Даммит различает два вида конвенционализма, причем тот, который мы обозначили как общеупотребительный, ортодоксальный, оксфордский философ, напротив, называет модифицированным конвенционализмом, имея в виду, что он является недостаточно продуманным, не доведенным до своего логического завершения, тогда как тот вид конвенционализма, который Даммит приписывает Витгенштейну, он называет полным, законченным. Мы же, принимая во внимание тот факт, что радикально продуманная витгенштейновская позиция все же никак не подходит на то, что обычно подразумевают под конвенционализмом, склонны именовать его специфическим.

Разница, по мысли Даммита, здесь состоит в следующем. Модифицированный конвенционализм, отталкиваясь от идеи запрета на постулирование объективных стационарных сущностей, понимает значение как то, что возникает в ситуации intersubъективной договоренности принимать нечто как нечто в определенной коммуникативной ситуации. Однако, замечает Даммит, в определенный момент при выведении следствий из принятых конвен-

ций сама констатация этих следствий предстает как признание их объективной необходимости. То есть при построении суждений, согласующихся с конвенционально установленными фундаментальными положениями, конвенциональность как таковая исчезает. Здесь возникает особый вид объективности. Сам конвенциональный каркас предстает как объективно необходимый для всех дальнейших движений внутри него. Проще говоря, Даммита не устраивает статус когерентной необходимости. В самом деле, это понятие содержит в себе двусмысленность: с одной стороны, здесь утверждается запрет на какой-либо разговор об объективности, с другой стороны, то или иное когерентно устанавливаемое положение само приобретает характер объективной сущности. Возникающее здесь затруднение легче всего показать на примере построения аксиоматических систем в математике, руководствующихся когерентной теорией истины. Это и делает Даммит: «В применении к математике этот модифицированный конвенционализм производит такой вид отчета о математической истине, который хорошо знаком нам из сочинений логических позитивистов. Аксиомы математической теории оказываются необходимыми в силу того, что они непосредственно признаются определенными конвенциями, которые мы адаптируем относительно употребления теоретических терминов; работа математика состоит в том, чтобы открывать более или менее удаленные следствия адаптированных нами конвенций, выводы, которые представлены в теоремах. Если теперь спросить, каков статус логических принципов, в соответствии с которыми мы переходим от аксиом к теоремам, то ответ будет состоять в том, что принятие этих принципов вновь представляет собой выражение адаптации лингвистических конвенций, в этом случае конвенций об употреблении ‘если’, ‘все’ и т.д. Этот отчет является всецело поверхностным и не рассматривает достоинства конвенционализма, так как он оставляет непроясненным статус утверждения, что определенные конвенции имеют определенные следствия. Кажется, если мы примем конвенции, учрежденные посредством аксиом, вместе с теми, которые учреждены посредством принципов вывода, тогда мы *должны* остаться верными тому способу рассуждения, который принят в теореме; и *эта* необходимость должна быть навязана нам, когда мы встречаемся с ней. Сама по себе она не может больше выражать принятие конвенции; этот отчет не оставляет пространства для какой-либо дальнейшей конвенции» [7. С. 170].

В противовес этой позиции полный, или законченный, конвенционализм, с точки зрения Даммита, не должен трактовать аксиому или правило вывода как однажды установленное по договоренности, но теперь принимаемое как стационарно объективное положение в рамках этого установления. Скорее, акт конвенционализации аксиомы следует воспроизводить вновь и вновь, на каждом шаге построения системы. В отношении вопросов семантики законченный конвенционализм должен трактовать значение выражения в качестве чего-то радикально дискретного, возникающего не в результате однажды принятой договоренности внутри лингвистической группы, а в результате согласия в многократно повторяющихся, но всякий раз предельно конкретных единичных коммуникативных актах. В таком понимании значение предстает как некое ‘пульсирующее’ образование, возникающее в буквальном

смысле в акте коммуникации и не допускающее по отношению к себе никаких объективистских субстантиваций. Вот именно такой законченный конвенционализм и демонстрирует, с точки зрения М. Даммита, теория значения позднего Витгенштейна.

Проницательность Даммита достойна восхищения. И все же нам представляется, что и он сам, предъявляя претензии ортодоксальному конвенционализму в непродуманности данной позиции, интерпретировал Витгенштейна недостаточно радикально. Как уже было сказано выше, сильная трактовка скептического тезиса относительно стабильности значения состоит в том, что факт значения отрицается вовсе. Агент речи в своем субъективном опыте не способен обнаружить то, что можно было бы назвать значением выражения даже в предельно конкретной, единичной ситуации употребления языка. Максимум, что здесь может возникнуть, это иллюзия значения, поддерживаемая коммуникативной средой. Таким образом, сильная трактовка скептического тезиса должна, как кажется, отрицать не только ортодоксальный, но и тот специфический конвенционализм, суть которого изложил оксфордский аналитик.

Среди современных интерпретаторов, помимо Крипке, радикализм витгенштейновской мысли признают Г. Бейкер и П. Хакер. Правда, со свойственным им критическим запалом они полагают, что ни Крипке, ориентирующийся на семантику условий утверждаемости, ни Даммит, у которого американский логик заимствовал различие семантик условий истинности и условий утверждаемости, этого витгенштейновского радикализма как раз не постигают. Критика понятия условий утверждаемости в исполнении Бейкера и Хакера [8] сводится к тому, что семантика, трактующая значение как то, что определяется условиями утверждаемости выражения в лингвистическом сообществе, не способна избежать платонизма, ибо это интерсубъективно задаваемое значение все равно будет трактоваться как некая универсальная сущность, связь языкового выражения с которой сохраняет, как и в ортодоксальной номинативистской парадигме, характер внешнего отношения. В противовес этому Бейкер и Хакер вводят понятие внутреннего отношения между значением и употреблением выражения, между правилом употребления и его применением. Данное понятие, по мнению этих оксфордских витгенштейноведов, призвано раскрыть всю специфику витгенштейновской мысли, которая заключается в том, что значение выражения оказывается неотделимым от его конкретного употребления, оно 'вспыхивает' только в самом коммуникативном акте и 'гаснет' за его пределами. Содержание правила употребления уясняется только в конкретной ситуации применения выражения в соответствии с этим правилом и оказывается неотделимым от этого применения.

Не нужно прилагать каких-либо интерпретативных сверхусилий, чтобы заметить, что, нападая на даммитовское различие семантик условий истинности и условий утверждаемости и критикуя понятие условий утверждаемости, Бейкер и Хакер, по сути, воспроизводят тот мыслительный ход, который как раз и сделал Даммит в 1959 г., различив два вида конвенционализма. Нет сомнений, что Даммит осознавал глубину витгенштейновской мысли и не вкладывал в понятие условий утверждаемости того тривиального

содержания, которое приписывают ему Бейкер и Хакер. И если интерпретацию Крипке, как мы сказали выше, можно назвать даже еще более радикальной, нежели даммитовскую, то, очевидно, стрелы критики оксфордских витгенштейноведов не должны коснуться и его.

Другое дело, что критика Бейкера и Хакера позволяет осознать, насколько двусмысленным оказывается понятие условий утверждаемости, и вину за это, действительно, должен взять на себя Даммит, который не осуществил в надлежащей акцентированной форме проекции различия видов конвенционализма на различие аспектов интерпретации понятия условий утверждаемости. На наш взгляд, понятие условий утверждаемости может трактоваться даже не двойко, а тройко. Во-первых, это та тривиальная трактовка, которая будет соответствовать позиции ортодоксального – в нашей терминологии – конвенционализма. С данной точки зрения, условия утверждаемости выражения будут фиксировать стабильную интересубъективную сущность в качестве его значения, однажды принятую в сообществе в виде конвенции. Во-вторых, это трактовка с позиции специфического конвенционализма. Здесь под условиями утверждаемости будет пониматься предельно конкретный коммуникативный акт, в котором будет ‘вспыхивать’ значение. За пределами этого акта значение снова исчезает. В новом коммуникативном акте будет формироваться новое значение и т.д. Таким образом, удастся избежать нежелательной субстантивации, ведущей к платонизму. Наконец, в-третьих, это наиболее радикальная трактовка, которая настаивает на том, что, по сути, нет такой вещи, такого факта, как значение, и его невозможно обнаружить ни в качестве установления стабильной, долговременной конвенции, ни в качестве установления ‘пульсирующей’, моментальной конвенции. Скорее, условия утверждаемости будут определять то, что можно было бы назвать иллюзией значения, они будут лишь создавать впечатление наличия значения.

Отсюда нам вполне обоснованным видится вывод о том, что теорию значения позднего Витгенштейна, в противовес интерпретации Г. Бейкера и П. Хакера, все же можно трактовать как позиционирующую семантику условий утверждаемости, правда, с соответствующими оговорками, относящимися к прояснению смысла данного понятия. Но в любом случае, кто бы ни был прав из оксфордских философов – М. Даммит или Г. Бейкер и П. Хакер, мы можем констатировать то, что, по крайней мере, ортодоксальным конвенционалистом Витгенштейн все же никогда не был, и наиболее распространенная и широко используемая различными направлениями современной философии интерпретация его концепции ‘значение как употребление’ является слишком упрощенной и, по сути, неверной.

Литература

1. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.
3. Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge 1939 / Ed. C. Diamond. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1976.
4. Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy. 1989. No. 64. P. 5–28.

5. *Ayer A.J.* Can There Be a Private Language? // *Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 453–460.
6. *Dummett M.* Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // *The Philosophical Review*. 1959. Vol. 58. P. 324–348.
7. *Dummett M.* Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // *Dummett M.* *Truth and Other Enigmas*. London: Routledge, 1978. P. 166–185.
8. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* *Scepticism, Rules and Language*. Oxford: Blackwell, 1984.